

ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ФИНАЛ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИЛИ НОВОЕ НАЧАЛО?

Как теоретические изыскания в сфере правоведения и философия права, так и непосредственная практика правоприменения зиждятся на таких фундаментальных презумпциях, как:

- презумпция возможности наличия определенной шкалы оценок и ценностей, что обеспечивает
- презумпцию возможности квалифицировать поступок в том или ином качестве на основании данной аксиологической системы, что, в свою очередь, обеспечивает
- презумпцию возможности ответственности субъекта за совершенные деяния в зависимости от их квалификации и оценки.

Постмодернистское состояние культуры радикально проблематизирует названные презумпции, не только ставя их под сомнение, но фактически постулируя их невозможность. Если рассматривать эту проблему не изнутри эстетики постнеклассического дискурса, как это делают сами постмодернистские авторы, но в гуманистически ориентированной системе отсчета, то вопрос формулируется весьма остро: что означает разрушение названных презумпций для перспектив современной культуры, для развития нравственного сознания повседневности, для человека как личности?

Возможно ли дальнейшее развитие морали, права и культуры в целом на путях, намеченных философией постмодернизма, или содержательный потенциал последнего полностью исчерпан? Или, возможно, в самой эволюции постмодернизма назревает поворот, открывающий новые перспективы для современного культурного процесса, для формирования нового этапа в развитии постнеклассической культуры?

---

¹ Марина Олександрівна Можейко, докторка філософських наук, професорка, завідувачка кафедри філософії та методології гуманітарних наук, Білоруський державний університет культури і мистецтв.

Marina Mozheiko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department "Philosophy & Humanities' Methodology", Belarusian State University of Culture and Art.
e-mail: phil-met@tut.by

I. Кризис базовых постулатов культуры постмодерна

Современный этап развития постнеклассической культуры со всей отчетливостью показал, что постмодернизм в его исходном варианте (который при всей странности этого термина в отношении постмодерна может быть назван классическим) фактически не отвечает потребностям сегодняшнего дня.

Последовательное и полное разворачивание заложенных философией постмодернизма идей в живой ткани культуры постмодерна породило к настоящему моменту такие ее состояния, которые могут быть оценены как тормозящие культурное развитие и не позволяющие культуре в полной мере реализовать свои эволюционные возможности.

Прежде всего, в данном ряду следует отметить такое ее состояние, как деонтологизация культурных смыслов, что порождено тотальным прорастанием в ткань культуры идеи нарративности.

Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива, или «рассказа», является его самодостаточность и самооценность: как отмечает Р. Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой»².

Уже Х. Арендт, отталкиваясь от того факта, что в античной архаике под «героем» понимался свободный участник Троянской войны, о котором мог бы быть рассказан рассказ (история), отмечала: «то, что каждая индивидуальная жизнь между рождением и смертью может в конце концов быть рассказана как история с началом и концом, есть... доисторическое условие истории (history), великой истории (story) без начала и конца»³. Что же касается собственно философии постмодернизма, то ориентация на «повествовательные стратегии» – в их плюральности – оценивается современными авторами (Д. В. Фоккема, Д. Хейман и др.) как основополагающая для современной культуры.

Рассказ в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективно наличного смысла (последний конституируется, по Х.-Г. Гадамеру, лишь в процессуальности наррации как «сказывания»). Рассказ о событии не возводится к исходному, глубинному, якобы объективно наличному смыслу этого события, – смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе наррации, то есть, по формулировке М. Постера, «мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия»⁴.

---

² Ролан Барт, «Смерть автора», в *Избранные работы. Семиотика. Поэтика* (Москва: Прогресс, 1989), 384.

³ Ханна Арендт, «Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V», *Вопросы философии* 11 (1998): 136.

⁴ Mark Poster, *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context* (Cambridge, 1996), 136.

Собственно, по формулировке Ф. Джеймисона, нарративная процедура фактически «творит реальность»⁵, одновременно постулируя ее относительность, то есть свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некой вненарративности реальности. История событийности квантуется в нарративах, и вне их плюральности у него нет и не может быть массы покоя как исходного смысла текста: таким образом, нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Классической сферой возникновения и функционирования нарратива выступает история как теоретическая дисциплина (и в этом философия постмодернизма парадигмально изоморфна концепции нарративной истории: А. Тойнби, П. Рикёр, Дж. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд и др.). В рамках нарративной истории смысл события трактуется не как фундированный «онтологией» исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. История как теоретическая дисциплина конституируется в постмодернизме в качестве нарратологии: рефлексия над прошлым, по оценке Х. Райта, – это всегда рассказ, нарратив, организованный извне, посредством внесенного рассказчиком сюжета, организующего повествование. По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив выступает не столько описанием некоей онтологически артикулированной реальности, сколько «инструкцией» по конституированию последней (подобно тому, как правила игры в теннис лишь создают иллюзию описания процессуальности игры, выступая на самом деле средством «вызвать игроков к существованию»). В рамках нарративной культуры событие как таковое теряет свою онтологическую определенность, размываемую плюральностью рассказов о ней.

Во-вторых, в ряду состояний культуры постмодерна, порожденных идеями философского постмодернизма и выступающих в настоящий момент неактуальными и порождающими эволюционные проблемы, должен быть также назван и аксиологический ацентризм, то есть отсутствие иерархично выстроенной в отношении оценок и ценностей культурной среды, что в философском постмодернизме выражено презумпцией «заката метанарраций».

Фигура «заката больших нарративов», то есть фактического отказа от аксиологических иерархий и систем культурных приоритетов, выступает для философии постмодернизма в качестве фундаментальной. Как отмечают З. Бауман⁶, С. Лаш и Дж. Урри⁷, А. Хеллер и Ф. Фехер⁸, универсальным принципом построения культуры постмодерна оказывается принцип плюрализма.

По оценке Ж.-Ф. Лиотара, в постмодернистском культурном контексте «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями,

⁵ Фредрик Джеймисон, «Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма», в *Философия эпохи постмодерна* (Минск: Красико-принт, 1996), 118–37.

⁶ Zygmunt Bauman, *Modernity & Ambivalence* (Cambridge, 1991), 15.

⁷ Scott Lash and John Urry, *Economies of Signs & Space* (London: Sage, 1994), 257.

⁸ Agnes Heller and Ferenc Fehér, *The Postmodern Political Condition* (Cambridge: Polity Press, 1988), 1.

профессиями, институциями и историческими традициями, теряют свою силу»⁹. Важнейшей характеристикой такой культурной среды выступает принципиальное отсутствие центра: как в смысле имплицитного ценностного предпочтения и доминирования, так и в смысле эксплицитного официально-нормативного санкционирования. По оценке Р. Рорти, из актуализирующихся в постмодернистском социуме стратегий «ни одна... не обладает привилегиями перед другими в смысле лучшего выражения человеческой природы. Ни одна из этих стратегий не является более гуманной, чем другая», – они просто плюральны и вариативны¹⁰.

Культурное пространство постмодерна не просто лишено центра – оно программно ацентрично: как утверждал Л. Фидлер в работе «Пересекайте границы, засыпайте рвы», нет и не может быть ни элитарной, ни массовой культуры как таковых, равно как нет и не может быть элитарного и массового читателя¹¹, – и первая публикация статьи, имевшая место в журнале *Playboy*, наглядно продемонстрировала практическую реализацию прокламируемой стратегии.

В этом контексте программной для эпохи постмодерна становится идея микшированности культуры, представляющей собой принципиально несистемную мозаику фрагментов и сколов различных традиций: в едином социокультурном контексте оказываются совмещенными такие аксиологические системы, которые, казалось бы, по определению являются несовместимыми, – по оценке Ж.-Ф. Лиотара, «эkleктизм является нулевой степенью общей культуры». В этом отношении в культуре постмодерна, по мысли Ф. Джеймисона, нет места делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое¹²: культурное пространство предполагает возможность взаимодействия и диалога различных (в том числе альтернативных и полностью взаимоисключающих) традиций, более того – именно такой диалог и осмысливается ею в качестве базового механизма собственного развития, позволяющего реализовать творческий потенциал культурного плюрализма.

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры: в этом плане культура постмодерна описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр», образуемый переплетением радикально различных, но при этом абсолютно равноправных мировоззренческих парадигм, в рамках взаимодействия которых – в свете презумпции «заката метанарраций»¹³ – невозможно выделение универсальных аксиологий.

Дискурс легитимации, утверждающий в статусе правильного только один тип дискурсивных практик, сменяется дискурсивным плюрализмом, санкционированный тип рациональности – вариабельностью рациональностей, фундирующей языковые

---

⁹ Жан-Франсуа Лиотар, «Постмодернистское состояние: доклад о знании», в *Философия эпохи постмодерна*, 144–5.

¹⁰ Richard Rorty, «The Introduction», in *Contingency, Irony & Solidarity* (Cambridge, 1989), 37–8.

¹¹ Лесли Фидлер, «Пересекайте рвы, засыпайте границы», в *Современная западная культурология: самоубийство дискурса* (Москва, 1991).

¹² Джеймисон, «Постмодернизм», 126.

¹³ Лиотар, «Постмодернистское состояние: доклад о знании», 157.

игры как альтернативу нормативному языку. Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры: по определению Ф. Гваттари, «тип дискурса... не так уж важен. Все годится, все приемлемо»¹⁴. Идеалом описания и объяснения действительности выступает для постмодернизма идеал принципиального плюрализма, фундированный идеей «заката больших нарратив».

В аксиологическом плане это формирует ситуацию, когда человек, особенно молодой, оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к плюральным аксиологиям и, следовательно, собственную персональную самоидентификацию.

Что же означают описанные состояния культуры для носителя этой культуры, для социализированного в этой культуре субъекта? Как может происходить его идентификация в контексте подобного культурного пространства – ацентричного и отказавшегося от онтологического обеспечения культурных смыслов?

Для культуры постмодерна индивидуальная судьба – это уже не завершенная тотальность и даже не определенная целостность: ничего, что могло бы претендовать на то, что А. П. Чехов обозначил как «сюжет для небольшого рассказа», конкретность и данность которого никогда не ставились под сомнение в рамках классической культуры. Ацентризм и деонтологизация смыслов постмодернистской культуры распространяются на все формы нарратива, в том числе они определяют и такую форму рассказа, как рассказ о себе, и такую форму истории, как история жизни – биография и автобиография. Вследствие этого в контексте нарративной плюральности постмодерна индивидуальная судьба видится как подвижное поле перманентного варьирования релятивных версий биографии как рассказа: тексты Р. Музиля «О книгах Роберта Музиля», Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте», Антониони «Антониони об Антониони» и многие другие.

По оценке современных метатеоретиков постмодернизма (Х. Уайт¹⁵, М. Саруп¹⁶ и др.), типовым способом самоидентификации для субъекта эпохи постмодерна становится именно релятивно-нарративный. Современные исследователи-психологи (А. Джироукс, С. Ланкшир, П. Мак-Ларен, М. Петерс и др.) констатируют – с опорой на серьезные клинические исследования, что конструирование своей «истории» (истории своей жизни) как нестабильного и варьлируемого рассказа ставит под вопрос безусловность аутоидентификации, которая ранее воспринималась как данность¹⁷.

¹⁴ Феликс Гваттари, «Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе», в *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus. Сборник статей* (Санкт-Петербург, 1998), 23.

¹⁵ Hayden White, *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-Century Europe* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973).

¹⁶ Madan Sarup, *An Introductory Guide to Post-structuralism & Postmodernism* (New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1988); *Identity, Culture & the Postmodern World* (Edinburg, 1998).

¹⁷ Henry A. Giroux, Henry A. Giroux, Colin Lankshear, Michael Peters and Peter McLaren, *Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space* (New York: Psychology Press, 1996).

На основе этого Дж. Уард (автор термина «кризис идентификации») констатирует применительно к современной культуре «кризис судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе. С одной стороны, в условиях отказа от онтологии как таковой не может быть и событийно определенной (то есть онтологически обеспеченной) биографии, с другой – в контексте презумпции «заката метанарраций» дискурс легитимации как единственно возможный теряет свой смысл и по отношению к индивидуальной жизни. В силу чего ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологическо-событийного обеспечения и потому, в сущности, весьма произвольны.

Таким образом, индивидуальная биография превращается из «судьбы» в относительный и вариативный «рассказ». Как было показано Р. Бартом во «Фрагментах любовного дискурса», даже максимально значимый с точки зрения идентификации личности элемент этой биографии – история любви – также относится к феноменам нарративного ряда: в конечном итоге, «любовь есть рассказ... Это моя собственная легенда, моя маленькая “священная история”, которую я сам для себя декламирую, и эта декламация (замороженная, забальзамированная, оторванная от моего опыта) и есть любовный дискурс»¹⁸. В конечном итоге, «history of love» превращается в организованную по правилам языкового, дискурсивного и нарративного порядков, а потому релятивную «story of love» и, наконец, просто в «love story». Влюбленный и определяется Р. Бартом в этом контексте как тот, кто ориентирован на использование в своих дискурсивных практиках определенных вербальных клише (собственно, содержание всей книги, посвященной аналитике последних, и разворачивается после оборванной двоеточием финальной фразы Введения: «So, it is a lover who speaks and who says:...»).

Фактически важнейшим принципом организации нарративно версифицированной биографии оказывается античный принцип исономии (не более так, чем иначе): ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологическо-событийного обеспечения и потому, в сущности, весьма произвольны.

Важнейшим следствием описанных тенденций явилось фактическое разрушение в постмодернистской культуре семантической и аксиологической устойчивости таких фундаментальных для рациональности классического типа феноменов, как субъект и субъективность. Феномен Я оценивается постмодернизмом как культурно артикулированный, связанный с определенной традицией и потому исторически преходящий. Согласно выводам М. Фуко,

лишь один период, который явился полтора века назад и, быть может, уже скоро закончится, явил образ человека. И это не было избавлением от давнего непокойства, переходом

---

¹⁸ Roland Barthes, *A Lover's Discourse: Fragments*, trans. by Richard Howard (London: Cape, 1979).

от тысячелетней заботы к ослепительной ясности... – это просто было следствием изменений основных установок знания... Если эти установки исчезнут так же, как они возникли... – человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке¹⁹.

Это нашло свое выражение в парадигмальной фигуре «смерти субъекта», дифференцированно проявившейся последовательно и в программной для Р. Барта идее «смерти автора»²⁰, и в идее «смерти читателя», оказывающегося, по оценке Ж. Ф. Харари, даже не «гостем», но «порождением текста»²¹, и в идее «смерти героя» у А. Роб-Грийе²² и К. Брук-Роуз²³, и в сформулированной Ж. Делезом идее «смерти сверхчеловека»²⁴, и в идее «смерти Бога» как окончательном финале презумпции конституированной субъективности²⁵, и в исчерпывающе и предельно абстрактной формулировке Ф. Гваттари: «я не верю в существование субъективности без продуктивности рассказа-текста»²⁶.

С точки зрения постмодернизма, само использование термина «субъект» – лишь дань классической философской традиции: как пишет М. Фуко, так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта», как такового «абсолютного субъекта не существует»²⁷. Таким образом, в семантическом пространстве постмодернистской философской парадигмы оказалась разрушена базовая для классической культуры презумпция определенности субъекта, вокруг которого строилась вся классическая культура.

В силу этого описанные трансформации понимания субъективности вызвали радикальные изменения в самом аксиологическом фундаменте европейской культуры.

Очевидно, что этика в традиционном ее понимании базируется на презумпции субъекта – и как носителя определенных ценностных шкал, и как автономного субъекта морального выбора, и как активного субъекта морального поступка, и как критичного субъекта моральной оценки, и как рефлексизирующего субъекта моральной ответственности.

¹⁹ Мишель Фуко, *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук* (Москва, 1977), 398.

²⁰ Барт, *Смерть автора*.

²¹ Josue V. Harrari, "Introduction," in *Textual Strategies: Perspectives in Post-structuralist Criticism* (London, 1980), 40.

²² Ален Роб-Грийе, "О нескольких устаревших понятиях," в *Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века* (Москва, 1986).

²³ Christine Brook-Rose, "The Dissolution of Character in the Novel," in *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, & the Self in Western Thought* (Stanford, 1986).

²⁴ Жиль Делез, "О смерти человека и сверхчеловека," в *Философия языка в границах и без границ* (Харьков: Око, 1994).

²⁵ Например, предложенная П. ван Буреном программа «реинтерпретации Бога», фактически основанная на идее деконструкции библейских текстов.

²⁶ Гваттари, "Трансфер", 23.

²⁷ Мишель Фуко, "Что такое автор?" в *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности* (Москва, 1996), 45.

Однако человек, рассмотренный только в качестве носителя вариативных культурных кодов, позволяющих ему писать или означивать тексты, не может выступать субъектом нравственного выбора или моральной оценки, поскольку любые культурные коды признаются постмодернизмом не только равновозможными, но и равноправными. По оценке Ю. Кристевой, в настоящее время «в этике неожиданно возникает вопрос, какие коды (нравы, социальные соглашения) должны быть разрушены». И так как культура постмодерна, отказавшаяся от идеи бинарных оппозиций (в том числе и от оппозиции добра и зла), не может ответить на эти вопросы, становится очевидным, что в постнеклассической своей артикуляции этика не может сохранить традиционно базовых своих характеристик, определяющих классические формы ее бытия в культуре.

Совершенно очевидно, что в таком семантическом пространстве невозможна сама постановка идеи моральной и тем более правовой ответственности субъекта за совершенные поступки: нет ни поступка, ни оценки, ни самого субъекта как такового.

Поскольку в описанном пространстве культуры постмодерна конституирование какой бы то ни было нравственной системы оказывается фактически невозможным, постольку в практическом своем приложении постмодернистские дискурсивные практики порождают в культуре достаточно серьезные и подчас небезобидные последствия.

II. Проблема возможности права и постмодернистская философия: феномен пост-постмодерна

Принципиальным вопросом в этом контексте является вопрос о перспективах идей постмодернизма: следует констатировать финал постмодернистской парадигмы в развитии постнеклассической культуры или все же может еще быть обнаружен тот содержательный резерв, способный обеспечить такую трансформацию постмодернизма, которая может оказаться продуктивной для современного культурного процесса?

Переосмысливая рефлексивно ею же спровоцированный «кризис идентификации», философия постмодернизма формирует специальную программу «воскрешения субъекта», которая ставит своей целью «выявление субъекта» в контексте плюральных языковых практик, задавая философским аналитикам постмодернизма акцент на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивной среде (поздние М. Фуко и Ж. Деррида, П. Смит, Дж. Уард, М. Готдинер и др.). Ж. Деррида, например, предлагает «пересмотреть проблему эффекта субъективности, как он [субъект. – М. М.] производится структурой текста»²⁸. Аналогично М. Фуко в Послесловии к работе Х. Л. Дрейфуса и П. Рабинова, посвященной исследованию его творчества (один из последних его текстов), фиксирует в качестве семантико-аксиологического фокуса своего исследовательского

---

²⁸ Жак Деррида, *Позиции* (Киев: Л. Д., 1996).

интереса выявление тех механизмов, посредством которых человек – в контексте различных дискурсивных практик – «сам превращает себя в субъекта»²⁹.

Формулируется программа «воскрешения субъекта», то есть создания новой антропологии как возможности морально-правового должностования.

На основе общей стратегии «воскрешения субъекта» постмодернизмом моделируется и прикладная стратегия преодоления «кризиса идентификации», которая существует на сегодняшний день в нескольких проектах.

Первым проектом является *проект импринтингологический*. Так, оценивая ситуацию «кризиса идентификации», сложившуюся в «постмодернистском пространстве», не только констатирует «нарративную этиологию» этого кризиса, но и постулирует необходимость специального целенаправленного формирования воспитательной установки на «контрнарративные импринтинги». Исходное значение понятия «импринтинг» (восприятие детенышем увиденного в первый после рождения момент существования в качестве родителя, за которым он безусловно следует и чей поведенческий образец неререфлексивно воспроизводит) переосмыслено современной социальной педагогией в расширительном плане, предполагающем онтологическую фундированность (гарантированность вненарративным референтом) любого впечатления, так или иначе влияющего на поведенческую стратегию личности.

Гораздо более перспективным проектом является *проект неоклассицизма*, в основе которого лежит признание того обстоятельства, что «кризис идентификации» вызывается к жизни в связи с кризисом объективности («кризисом значений»): как полагает Дж. Уард, именно эта причина в первую очередь порождает проблематичность для субъекта самоидентификации как таковой в условиях, когда «зеркало мира», в котором он видел себя, «разбито в осколки»³⁰. Этот проект предполагает существенное смягчение критики референциальной концепции знака (отказ от исходной для постмодернизма идеи «пустого знака») и отказ от радикальной элиминации феномена, означаемого в качестве детерминанты текстовой семантики.

Указанная установка инспирирует формулировку такой задачи, как «реанимация значения» (Дж. Уард) или «возврат утраченных значений»³¹, как в денотативном, так и в аксиологическом (что особенно важно в обсуждаемом контексте) смыслах этого слова (М. Готдинер). В связи с этим М. Готдинер говорит о желательности и даже необходимости формирования своего рода «культурного классицизма», предполагающего реабилитацию и реанимацию разрушенной стабильности аксиологических систем, которая характеризовала культуру классики³².

²⁹ Antony Easthope, *British Post-structuralism Since 1968* (London: Thousand Oaks, 1988).

³⁰ Glenn Ward, *Postmodernism* (Chicago, 1997).

³¹ Там же.

³² Mark Gotdiener, *Postmodern Semiotics. Material Culture & the Form of Postmodern Life* (Oxford, 1998).

Третьим проектом, который не только формулирует цели, но и предлагает конкретную программу их достижения, является *коммуникативный проект*, смещающий акцент с текстологической реальности на реальность коммуникативную и центрирующуюся в связи с этим вокруг феномена Другого.

В основе этого проекта лежит фундаментальная для него идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений – посредством Другого.

Современная культура обозначается Ж. Бодрийяром как культура «экстаза коммуникации»³³. Если в классическом постмодернизме Другой интерпретировался как внешнее (социокультурное) содержание структур бессознательного (что фактически было унаследовано от лакановской версии структурного психоанализа, где бессознательное было артикулировано как «голос Другого»), то современный постмодернизм задает концепту «Другой» новую (коммуникационную) интерпретацию, в системе отсчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей. Иными словами, по формулировке Ж. Деррида, «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого.

Оформление этой программы осуществляется на базе синтеза идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнамента и философская концепция языковых игр). Прежде всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у М. Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П. Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л. Бинсвангера, «отношение Я – Ты вместо Я – Оно» у М. Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О. Ф. Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П. Тиллиха и т. п.

Так, например, в рамках данной постмодернистской программы чрезвычайно актуальное звучание обретает тезис Ж.-П. Сартра «мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, Для-себя отсылает к Для-другого», – подлинное бытие Я возможно лишь как «бытие-с-Пьером» или «бытие-с-Анной», то есть «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» (Ж.-П. Сартр). Способ бытия есть, по Ж.-П. Сартру, «быть увиденным Другим».

Аналогично, по Г.-Г. Гадамеру, механизм конструирования Я основан на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты». Каждый из коммуникативных партнеров не только «является значащим для другого», но и «обусловлен другим»³⁴.

---

³³ Jean Baudrillard, "Extasy of Communication," *Postmodern Culture* (London, 1998).

³⁴ Ханс-Георг Гадамер, "Человек и язык," в *От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога* (Минск: Менск, 1997), 130–41.

Именно поэтому, по словам Э. Левинаса, «каждый, кто говорит “Я”, адресуется к Другому»³⁵. В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия Я – это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры.

В противоположность классической философской традиции, в рамках которой определенность человеческого сознания задавалась его интенцией отношения к объекту (и даже в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду: как писал Г.-Г. Гадамер, «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой»³⁶), современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому. Фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта. Вектор отношения субъекта к Другому в постмодернистском его видении – это «метафизическое желание», репрезентированное, по формулировке Э. Левинаса, в грамматическом звательном падеже.

Постмодернистская трактовка механизма обретения субъектом самости посредством Другого может быть рассмотрена на примере концепции языковых игр К.-О. Апель, где язык понимается не в контексте субъект-объектных процедур прагматологического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе не могут быть сведены к передаче сообщений. Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством (что означало бы – соответственно – объективистскую или субъективистскую его акцентировку), сколько медиатором понимания в контексте языковых игр. Если трактовка последних Л. Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом, а в понимании Я. Ю. Хинтикки – на взаимодействие между Я и реальностью как двумя игроками в игре, ставка в которой – истинность высказывания, то К.-О. Апель трактует языковую игру как субъект-объектное отношение, участники которого являют собой друг для друга текст – как вербальный, так и невербальный³⁷. Это задает особую артикуляцию понимания как взаимопонимания. Апельевская версия постмодернистской парадигмы смягчает примат «судьбоносного означающего» (Ж. Лакан) над означаемым, восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики и генетически восходящую к экзегетике презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О. Апель презентации содержания коммуникативной программы игрового и коммуникативного партнера. Выступая в качестве текста,

³⁵ Emmanuel Lévinas, *Autrement que savoir* (Paris: Vrin, 1988).

³⁶ Гадамер, “Человек и язык”.

³⁷ Карл-Отто Апель, “Трансцендентально-герменевтическое понятие языка,” в *От Я к Другому*, 202–20.

последняя не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий коммуникационную игру) плюрализм прочтения, тем не менее предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла не конституируется как коммуникационный партнер. Ставкой в игре оказывается не истина объектного, но подлинность субъектного.

Результатом коммуникации, согласно данной программе преодоления «кризиса идентификации», выступает вновь обретенное Я – как Я, найденное, по Ж. Делезу, «на дне Другого».

В своем единстве обозначенные векторы разворачивания проблемных полей постмодернизма, ориентированные на преодоление «кризиса идентификации», задают оформление нового этапа эволюции постмодернистской философии – своего рода Пост-постмодернизм или After-postmodernism, в отличие от постмодернистской классики деконструктивизма.

Это позволяет говорить о том, что потенциал постмодернистского вектора развития философии еще не исчерпан, философии постмодернизма есть что предложить современной культуре, и если следовать наметившимся в эволюции пост-постмодернистской философии тенденциям, то следует констатировать, что мы фактически стоим на пороге оформления новой классики, перехода от постнеклассической к неоклассической культуре.

© М. Можейко, 2019

Библиография

- Апель, Карл-Отто. “Трансцендентально-герменевтическое понятие языка.” В *От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога*, 202–20. Минск: Менск, 1997.
- Арендт, Ханна. “Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V.” *Вопросы философии* 11 (1998): 131–41.
- Барт, Ролан. “Смерть автора.” В *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, 384–91. Москва: Прогресс, 1989.
- Гадамер, Ханс-Георг. “Человек и язык.” В *От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога*, 130–41.
- Гваттари, Феликс. “Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе.” В *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция reversus. Сборник статей*. Санкт-Петербург, 1998.
- Делез, Жиль. “О смерти человека и сверхчеловека.” В *Философия языка в границах и без границ*. Харьков: Око, 1994.
- Деррида, Жак. *Позиции*. Киев: Л. Д., 1996.
- Джеймисон, Фредрик. “Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма.” В *Философия эпохи постмодерна*, 118–37. Минск: Красико-принт, 1996.
- Лиотар, Жан-Франсуа. “Постмодернистское состояние: доклад о знании.” В *Философия эпохи постмодерна*, 144–5.

- Роб-Грийе, Аллен. “О нескольких устаревших понятиях.” В *Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века*. Москва, 1986.
- Фидлер, Лесли. “Пересекайте рвы, засыпайте границы.” В *Современная западная культурология: самоубийство дискурса*. Москва, 1991.
- Фуко, Мишель. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Москва, 1977.
- Фуко, Мишель. “Что такое автор?” В *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва, 1996.
- Barthes, Roland. *A Lover's Discourse: Fragments*. Translated by Richard Howard. London: Cape, 1979.
- Baudrillard, Jean. “Extasy of Communication.” In *Postmodern Culture*. London, 1998.
- Bauman, Zygmunt. *Modernity & Ambivalence*. Cambridge, 1991.
- Brook-Rose, Christine. “The Dissolution of Character in the Novel.” In *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, & the Self in Western Thought*. Stanford, 1986.
- Easthope, Antony. *British Post-structuralism Since 1968*. London: Thousand Oaks, 1988.
- Giroux, Henry A., Colin Lankshear, Michael Peters and Peter McLaren. *Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space*. New York: Psychology Press, 1996.
- Goddiener, Mark. *Postmodern Semiotics. Material Culture & the Form of Postmodern Life*. Oxford, 1998.
- Harrari, Josue V. “Introduction.” In *Textual Strategies: Perspectives in Post-structuralist Criticism*. London, 1980.
- Heller, Agnes and Ferenc Fehér. *The Postmodern Political Condition*. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Jameson, Fredric. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. London, 1981.
- Lash, Scott and John Urry. *Economies of Signs & Space*. London: Sage, 1994.
- Lévinas, Emmanuel. *Autrement que savoir*. Paris: Vrin, 1988.
- Poster, Mark. *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*. Cambridge, 1996.
- Rorty, Richard. “The Introduction.” In *Contingency, Irony & Solidarity*. Cambridge, 1989.
- Sarup, Madan. *An Introductory Guide to Post-structuralism & Postmodernism*. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1988.
- Sarup, Madan. *Identity, Culture & the Postmodern World*. Edinburg, 1998.
- Ward, Glenn. *Postmodernism*. Chicago, 1997.
- Write, Hayden. *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.

Bibliography

- Apel, Karl-Otto. “Transtsendentalno-germenevticheskoe ponyatie yazyika [Transcendental Hermeneutic Concept of Language].” V *Ot Ya k Drugomu. Sbornik perevodov po problemam intersub'ektivnosti, kommunikatsii, dialoga*, 202–20. Minsk, 1997 (in Russian).
- Arendt, Hannah. “Situatsiya cheloveka [Human Condition].” *Voprosyi filosofii* 11 (1998): 131–41 (in Russian).
- Barthes, Roland. “Smert avtora [Death of the Author].” V *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika*, 384–91. Moscow: Progress, 1989 (in Russian).

- Gadamer, Hans-Georg. "Chelovek i yazyk [Man and Language]." V *Ot Ya k Drugomu. Sbornik perevodov po problemam intersub'ektivnosti, kommunikatsii, dialoga*, 130–41. Minsk, 1997 (in Russian).
- Guattari, Felix. "Transfer ili to, chto ot nego ostalos, ili Analitik zhivet v postoyannom straxe [Transfer or What is Left of it or the Analyst Lives in Permanent Fear]." V *Kabinet: kartiny mira. Psihogenez/Tehnogenez: kolleksiya perversus. Sbornik statey*. Saint-Petersburg, 1998 (in Russian).
- Deleuze, Gilles. "O smerti cheloveka i sverhcheloveka [On the Death of Man and Superman]." V *Filosofiya yazyika v granitsah i bez granits*. Kharkiv: Oko, 1994 (in Russian).
- Derrida, Jacques. *Pozitsii [Positions]*. Kiev: L. D., 1996 (in Russian).
- Jameson, Fredric. "Postmodernizm, ili Logika kulturyi pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism]." V *Filosofiya epohi postmoderna*, 118–37. Minsk: Krasiko-print, 1996 (in Russian).
- Lyotard, Jean-François. "Postmodernistskoe sostoyanie: doklad o znanii [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]." V *Filosofiya epohi postmoderna*, 140–58. Minsk: Krasiko-print, 1996 (in Russian).
- Robbe-Grillet, Alain. "O neskolkih ustarevshih ponyatiyah [On Some Outdated Concepts]." *Nazyivat veschi svoimi imenami. Programmnyie vyistupleniya masterov zapadnoevropeyskoy literaturyi HH veka*. Moscow, 1986 (in Russian).
- Fiedler, Leslie. "Peresekayte rvyi, zasyipayte granitsyi [Cross the Border, Close the Gap]." V *Sovremennaya zapadnaya kulturologiya: samoubiystvo diskursa*. Moscow, 1991 (in Russian).
- Foucault, Michel. *Slova i veschi: Arheologiya gumanitarnyih nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]*. Moscow, 1977 (in Russian).
- Foucault, Michel. "Chto takoe avtor? [What is an Author?]" V *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti*. Moscow, 1996 (in Russian).
- Barthes, Roland. *A Lover's Discourse: Fragments*. Translated by Richard Howard. London: Cape, 1979.
- Baudrillard, Jean. "Extasy of Communication." In *Postmodern Culture*. London, 1998.
- Bauman, Zygmunt. *Modernity & Ambivalence*. Cambridge, 1991.
- Brook-Rose, Christine. "The Dissolution of Character in the Novel." In *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, & the Self in Western Thought*. Stanford, 1986.
- Easthope, Antony. *British Post-structuralism Since 1968*. London: Thousand Oaks, 1988.
- Giroux, Henry A., Colin Lankshear, Michael Peters and Peter McLaren. *Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space*. New York: Psychology Press, 1996.
- Goddiener, Mark. *Postmodern Semiotics. Material Culture & the Form of Postmodern Life*. Oxford, 1998.
- Harrari, Josue V. "Introduction." In *Textual Strategies: Perspectives in Post-structuralist Criticism*. London, 1980.
- Heller, Agnes and Ferenc Fehér. *The Postmodern Political Condition*. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Jameson, Fredric. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. London, 1981.
- Lash, Scott and John Urry. *Economies of Signs & Space*. London: Sage, 1994.
- Lévinas, Emmanuel. *Autrement que savoir*. Paris: Vrin, 1988.

- Poster, Mark. *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*. Cambridge, 1996.
- Rorty, Richard. "The Introduction." In *Contingency, Irony & Solidarity*. Cambridge, 1989.
- Sarup, Madan. *An Introductory Guide to Post-structuralism & Postmodernism*. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1988.
- Sarup, Madan. *Identity, Culture & the Postmodern World*. Edinburg, 1998.
- Ward, Glenn. *Postmodernism*. Chicago, 1997.
- Write, Hayden. *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.

Марина Можейко. Пост-постмодернізм і сучасні тенденції в розвитку філософії права: фінал постмодерністської парадигми або новий початок?

Анотація. Статтю присвячено осмисленню постмодерністської проблематизації презумпції можливості наявності певної шкали оцінок і цінностей, яка, у свою чергу, робить можливими кваліфікацію вчинків у тій або іншій якості та відповідальність суб'єкта за вчинені діяння. На основі аналізу стану сучасної культури окреслено перспективи постмодерністської парадигми і відповідні тенденції в розвитку філософії права.

У першій частині статті констатується криза базових постулатів культури постмодерну, яка проявляється в таких станах останньої, як деонтологізація культурних смислів, породжена ідеєю наративності, та аксіологічний ацентризм, тобто відсутність ієрархічно організованого щодо оцінок і цінностей культурного середовища, що у філософському постмодернізмі виражено презумпцією «занепаду метанарацій». Наслідком стало руйнування суб'єкта і суб'єктивності та етики в традиційному її розумінні, включаючи ідею правової відповідальності людини за скоєні вчинки.

У другій частині статті розглядається проблема можливості права в контексті різних проектів трансформації постмодерністського дискурсу в рамках загальної програми «воскресіння суб'єкта», тобто створення нової антропології як можливості морально-правової повинності: імпрінтингологічний проект, проект неокласицизму і комунікативний проект. У своїй єдності позначені стратегії подолання «кризи ідентифікації» задають оформлення нового етапу еволюції постмодерністської філософії – пост-постмодернізму – і відкривають нові можливості для філософії права.

Ключові слова: постмодернізм; пост-постмодернізм; філософія права; наративність; «занепад метанарацій»; «смерть суб'єкта»; «воскресіння суб'єкта».

Марина Можейко. Пост-постмодернизм и современные тенденции в развитии философии права: финал постмодернистской парадигмы или новое начало?

Аннотация. Статья посвящена осмыслению постмодернистской проблематизации презумпции возможности наличия определенной шкалы оценок и ценностей, которая, в свою очередь, делает возможными квалификацию поступков в том или ином качестве и ответственность субъекта за совершенные деяния. На основе анализа состояния современной культуры очерчены перспективы постмодернистской парадигмы и соответствующие тенденции в развитии философии права.

В первой части статьи констатируется кризис базовых постулатов культуры постмодерна, который проявляется в таких ее состояниях, как деонтологизация культурных смыслов, порожденная идеей нарративности, и аксиологический ацентризм, то есть отсутствие иерархично выстроенной в отношении оценок и ценностей культурной среды, что в философском постмодернизме выражено презумпцией «заката метанарраций». Следствием стало разрушение субъективности и этики в традиционном ее понимании, включая идею правовой ответственности человека за совершенные поступки.

Во второй части статьи рассматривается проблема возможности права в контексте различных проектов трансформации постмодернистского дискурса в рамках общей программы «воскрешения субъекта», то есть создания новой антропологии как возможности морально-правового долженствования: импринтингологический проект, проект неоклассицизма и коммуникативный проект. В своем единстве обозначенные стратегии преодоления «кризиса идентификации» задают оформление нового этапа эволюции постмодернистской философии – пост-постмодернизма – и открывают новые возможности для философии права.

Ключевые слова: постмодернизм; пост-постмодернизм; философия права; нарративность; «закат метанарраций»; «смерть субъекта»; «воскрешение субъекта».

Marina Mozheiko. Post-Postmodernism and Current Trends in the Development of Legal Philosophy: The End of the Postmodern Paradigm or a New Beginning?

Abstract. The article deals with the postmodern problematization of the possibility of a certain value scale, which, in turn, makes it possible the qualification of human acts and the subject's responsibility for the committed acts. Based on the analysis of the state of modern culture, the prospects of the postmodern paradigm and the corresponding trends in the development of the philosophy of law are outlined.

In the first part of the article, a crisis of the basic postulates of postmodern culture is ascertained. It manifests itself in such conditions as deontologization of cultural meanings (generated by the idea of narrativeness) and axiological acentrism (the lack of hierarchical structure of the cultural environment assessments and values). In philosophical postmodernism, the latter is expressed by the presumption of “sunset of metanarratives”. The consequence was the destruction of subjectivity and ethics in its traditional sense, including the idea of a person's legal responsibility for committed acts.

The second part of the article discusses the problem of the possibility of law in the context of various projects for the transformation of postmodern discourse in the framework of the general program of “resurrecting the subject”, that is, the creation of a new anthropology as an opportunity for moral and legal obligation: an imprinting project, a neoclassicism project, and a communication project. In their unity, the indicated strategies for overcoming the “crisis of identification” set the new stage of the evolution of postmodern philosophy – post-postmodernism – and open up new possibilities for the philosophy of law.

Keywords: postmodernism; post-postmodernism; philosophy of law; narrativeness; “sunset of metanarratives”; “death of the subject”; “resurrection of the subject”.

Одержано / Received 30.05.2019